

стоитъ себѣ преспокойно въ амбарѣ, потому что на починку нѣтъ денегъ. Однимъ словомъ, это былъ обыкновенный типъ многихъ русскихъ помѣщиковъ-хозяевъ. Миколка-Гладкій, такъ громко воспѣтый новѣйшею сельскою поэзіей, дѣятельно помогалъ своему барину во всѣхъ его хозяйственныхъ предпріятіяхъ, отчего, впрочемъ, лично не только не былъ въ убыткѣ, но даже преисправно нагрѣвался, какъ говорится, себѣ руки.

Разстройству дѣлъ Полянскаго не мало также содѣйствовала широкая жизнь, которую онъ велъ. Его пиры, балы, обѣды славились на всю округу, и даже теперь, желая сохранить за собою репутацію хлѣбосола, Полянскій изъ всѣхъ силъ тянулся, чтобы устроить какой-нибудь необыкновенный вечеръ или званный обѣдъ. Рѣдкій день у него не было гостей, и хотя всѣ, не исключая самихъ хозяевъ, сознавали очень хорошо, что прошлое миновало безвозвратно, но по старой памяти старались сохранять декорумъ разореннаго помѣщичьяго дома.

Семейство Полянскаго, кромѣ жены, состояло еще изъ четырехъ дѣтей. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ счастливъ въ дѣтяхъ: ему и здѣсь такъ же не везло, какъ и въ хозяйствѣ. Старшая, Агнеса Львовна, нѣкогда была первою красавицей и умницей во всей округѣ и царицей на всѣхъ балахъ и собраніяхъ, но достигла тридцатилѣтняго возраста и не вышла замужъ. Почему случилось такъ, — достоверно неизвѣстно. Говорятъ, что въ ранней молодости она была чрезвычайно горда, разборчива и браковала жениховъ, какъ хромыхъ барановъ; когда же спохватилась, то было уже поздно: всѣ ухаживатели разсѣялись какъ дымъ, при первыхъ слухахъ о томъ, что Полянскіе на волосокъ отъ разоренія. Притомъ и красота порядочно поизносилась и увяла, и остроуміе значительно притупилось. Слава Агнесы померкла; съ чувствомъ душевной боли замѣчала гордая барышня, что толпа поклонниковъ вокругъ нея все болѣе и болѣе рѣдѣетъ, что далеко не первенствующую роль приходится ей играть на балахъ. Нѣтъ ничего печальнѣе развѣчаннаго, павшаго величія... Агнеса хирѣла, мельчала, ожесточалась и, наконецъ, совершенно перестала посѣщать публичныя собранія, гдѣ она когда-то блистала звѣздою первой величины и гдѣ теперь ее часто совершенно не замѣчали. Этого ея гордость не могла перенести, и она предпочла уединеніе униженію.

О ея энергіи, остроуміи и изворотливости въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей, между прочимъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, за достоверность котораго мы, впрочемъ, не ручаемся, хотя въ немъ и нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Этотъ фактъ совер-